

АРКАДИЙ ОДИНЦОВ

МИР ОДНОГО

ОТ КАЙФА ДО КОНЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аркадий Одинцов

Мир одного

«Автор»

2026

Одинцов А.

Мир одного / А. Одинцов — «Автор», 2026

Он хотел побыть один. И однажды он остался один. Совсем один. Весь мир — его личная песочница. Дорогие машины, брендовая одежда, пентхаусы. Сначала кажется, что это рай. Но тишина сводит с ума, а в голове звучит голос: «Ты же сам этого хотел». Книга о том, как легко потерять всё, чего никогда не ценил. И как страшно остаться наедине с собственным выбором.

© Одинцов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Про меня	7
Пролог	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аркадий Одинцов

Мир одного

Этот дневник писал вымышленный человек.

Гриша. Грузчик из Домодедово.

*Он ошибался в словах, но не врал в чувствах.
Мы оставили всё как есть.*

Исправлять ошибки было бы неуважением.

*Эта книга написана кровью, тишиной и двадцатью годами одиночества.
Посвящается Оле и Саше.*

Вы там, где меня больше нет.

А я здесь. И пишу.

От автора

Я не писатель. Я грузчик. Я не умею красиво строить фразы и не знаю, где ставить запятые. Но я умею помнить. И я умею ждать.

Эту книгу я начал писать, когда понял, что людей больше нет. Когда тишина стала моим единственным собеседником. Когда я начал разговаривать с игрушками и манекенами, потому что молчать было страшнее.

Я пишу не для славы. Её некому дать.

Я пишу не для денег. Они больше не нужны.

Я пишу, чтобы кто-то узнал: я был. Я жил. Я любил. Я не сдался.

Если ты читаешь это — значит, я ошибался. Люди не исчезли. Или появились снова. Или ты пришелец из другой галактики, который нашёл мои записи через тысячи лет. Мне всё равно.

Просто знай: в этом мире был человек по имени Гриша. У него была жена Оля и сын Саша. Он потерял их. Но не забыл.

И он написал эту книгу. Криво, с ошибками, от сердца.

Возьми её. Прочитай. И помни.

Григорий Романов

Домодедово — деревня — остров

Год, которого никто не помнит

Про меня

А эту историю придумал обычный парень.

Не писатель. Не филолог. Просто человек, который сел однажды и сказал: «А что, если?..»

Он придумал Гришу, Олю, Сашку, волков, манекенов, бутылку в море и остров с пятью скелетами.

Он плакал над этой книгой. Он смеялся. Он переписывал её по сто раз.

Он боялся, что у него ничего не получится.

Но он сделал.

Если ты держишь эту книгу в руках — значит, у него получилось.

Спасибо, что прочитал.

Спасибо, что не забыл.

Спасибо, что ты есть.

Автор истории

Тот самый парень

Который просто придумал.

Пролог

Никто не слышал, как мир замолчал.

Это случилось не в полночь. Не под звуки сирен. Не во время катаклизма. Это случилось в обычный вторник, в 11:47 утра, когда кто-то наливал себе кофе, кто-то стоял в пробке, кто-то спорил с начальником, а кто-то просто смотрел в окно и думал о своём.

В 11:47 утра перестали звонить телефоны. Не все сразу. Сначала один. Потом другой. Потом тысяча. Потом миллион. В 11:48 замолчали радиостанции. В 11:49 погасли экраны. В 11:50 люди посмотрели друг на друга и не поняли, что происходит.

А в 11:51 они исчезли.

Не постепенно. Не со слезами и криками. Не как в фильмах. Просто — раз. И нет никого. Остались только вещи. Чашки с недопитым чаем. Сигареты, дым от которых ещё не развеялся. Двери, открытые за секунду до того, как кто-то должен был в них войти.

Мир замер.

Остался один человек. Он спал. Он не слышал, как замолчали телефоны. Не видел, как погасли экраны. Он просто спал, и ему снилось, что он опаздывает на работу. Ему снилось, что жена кричит из ванной, а сын не хочет вставать. Ему снилось, что всё нормально.

Когда он проснулся, тишина ударила его по ушам. Он не понял сначала. Подумал, что оглох. Потом увидел пустую половину кровати. Холодную. Непримятую.

Он позвал жену. Никто не ответил.

Он встал. Прошёл на кухню. Включил чайник. Чайник закипел. Вода была горячей. Всё работало. Только людей не было.

Он вышел на улицу. Двор был пуст. Качели раскачивались. Ветра не было.

Он закричал. Никто не ответил.

Тогда он сел на асфальт. Закурил. Сигарета горела ровно, как ни в чём не бывало. А он сидел и смотрел на пустой мир. Он ещё не знал, что скоро этот пустой город станет его личной песочницей. И что он наиграется в неё до слёз.

Часть первая

Реальность — это не то, что мы видим. Реальность — это то, что мы перестаём замечать, когда открываем глаза.

Глава 1

Холод.

Первое, что я почувствовал, когда открыл глаза — холод. Не так, когда одеяло сползло и плечи зябнут. Другой холод. Глубокий. Будто я спал на улице, а не в своей кровати.

Я сел. Сердце долбило так, что ребра трещали. В ушах звон — противный, высокий, как после отбойного молотка.

— Оль? — позвал я в тишину.

Никто не ответил.

Я повернул голову. Олина половина пустая. Простыня холодная, даже не примятая. Будто она вообще не ложилась.

— Оля!

Тишина. Только звон в ушах и сердце.

Я вскочил, пробежал босиком по полу в коридор, заглянул в детскую. Сашкина кроватка заправлена. Но заправлена странно — аккуратно, как в армии, а он так никогда не умел. И пусто.

— Саня!

Ни звука.

Я выбежал на лестницу. Дверь соседей напротив открыта нараспашку. Я заглянул — там тоже никого. На полу шмотки валяются, тапки, на столе чашка стоит, чай недопитый, сверху пленка уже.

— Есть кто?! — заорал я так, что сам испугался.

Никто.

Я спустился во двор, даже обуться забыл. Ноги резало по холодному асфальту, но я не чувствовал. Двор пустой. Машины стоят — вот «Логан» соседский, вот «Нива» деда Степаныча, вот «Киа» новенькая из третьего подъезда. А людей нет. Ни у подъездов, ни на лавках, ни на детской площадке, где пацаны всегда орут с утра.

Качели качаются. А ветра нет.

Я пошел по улице. Прошел мимо остановки — автобус стоит, двери открытые, внутри пусто. Мимо «Пятерочки» — дверь настежь, свет горит, музыка играет, а кассы пустые. На ленте корзина чья-то с продуктами.

Я зашел, взял с полки воду, отпил. Холодная. Настоящая. Значит, не сон?

Вышел обратно. Прошел мимо машин. Остановился у одной — черной, тонированной, дорогой. Дернул ручку. Закрыто. Нашел камень, разбил стекло. Залез, нажал кнопку. Двигатель заурчал. Работает.

Выходит, мир работает. Только людей нет.

Я вылез, пошел дальше. Проходя мимо «Мерседеса», глянул в стекло. И замер.

Из стекла на меня смотрел мужик. Лет сорок. Волосы дыбом, глаза дикие, губы трясутся. Я провел рукой по голове — волосы торчат. Попробовал пригладить ладонью, но рука дрожит, и получается еще хуже.

— Соberись, — говорю своему отражению. — Ты че, тряпка?

Отражение молчит. Смотрит теми же глазами.

Я отвернулся и пошел дальше. В центр, где магазины дорогие.

Зашел в первый попавшийся. Вывеска красивая, буквы золотые, не помню какие. «Prada» или «Gucci» — я в этом не шарю. Для меня все эти бренды — просто буквы.

В магазине пусто. Свет горит, шмотки висят, часы под стеклом лежат. Я подошел к витрине с часами, разбил стекло локтем. Выбрал самые толстые, самые блестящие — такие, наверное, как моя зарплата за полгода. Надел на руку.

Потом к вешалкам подошел. Снял куртку кожаную — мягкую, пахнет дорого. Надел прямо поверх майки. Шарф нашел, шелковый, яркий, намотал на шею. Очки темные примерил — зеркальные, как у тех, кто в «Мерседесах» ездит.

Посмотрел на себя в зеркало. Ну, вроде человек. Если не присматриваться.

И тут...

Вдруг.

Громкоговоритель. Тот, что в магазинах висит, для объявлений. Зашипел. Потом голос — ровный, спокойный, без эмоций:

— Внимание. Просьба Всевышнему. Гражданину... — пауза, будто кто-то сверяется с бумажкой, — ...Гражданину Джей-38-96. Отключить доступ к будущему. Повторяю. Джей-38-96. Отключить доступ.

И тишина.

Я стою посреди дорогого магазина, в дурацких часах и кожанке поверх майки, и смотрю в зеркало. И чувствую, как меня разбирает. Сначала пальцы. Потом руки. Потом все тело. Я становлюсь прозрачным. Я распадаюсь на частицы. Я исчезаю.

— Гриша!

Толчок в плечо.

— Гриша, твою мать, ты чего?!

Я открываю глаза.

Оля сидит рядом на кровати, глаза испуганные, волосы растрепаны. Трясет меня за плечо.

— Ты орал как резаный! Сердце чуть не остановилось! Что случилось?

Я смотрю на нее. Потом на свои руки. Пальцы целы. Я есть. Я здесь.

— Приснилось... — говорю хрипло. — Такой сон... пипец...

— Какой сон?

Я молчу. Смотрю в потолок. Потом говорю:

— Иди Сашку буди.

Оля смотрит на меня странно, но встает, идет в детскую.

А я лежу. Сердце колотится. В ушах все еще этот голос: «Джей-38-96. Отключить доступ».

И непонятно — то ли я сошел с ума, то ли это только начало.

Глава 2

Оля ушла будить Сашку, а я остался лежать. Смотрю в потолок, а перед глазами все еще тот магазин, те часы, тот голос. «Джей-38-96». Что за хрень вообще? Имя как у робота. Или у заключенного.

Из коридора слышно, как Оля тормошит сына:

— Сань, вставай, проспите вы с отцом сегодня.

— Мам, ну еще пять минут...

— Никаких пять, вставай давай.

Сашка что-то бубнит недовольное, но слышно, как скрипит кровать — значит, сел. Я выдыхаю. Живой. Все живые. А сон — просто сон.

Через пару минут Сашка шлепает босыми ногами мимо спальни в ванную. Останавливается в дверях, заглядывает ко мне:

— Пап, а чего ты не на работе?

— Раньше времени, — говорю. — Иди умывайся.

— А мне сегодня снилось, что я в космос летал, — говорит он, почесывая живот. — На настоящей ракете. А ты был космонавтом. И мама была.

— Иди умойся сначала, космонавт.

Он улыбается и топает дальше. Слышно, как зашумела вода в ванной.

Оля заходит в спальню, садится на край кровати. Смотрит на меня внимательно, по-своему, по-женски.

— Гриш, — говорит тихо. — Что случилось-то на самом деле? Ты такой бледный. И орал так, что я аж подскочила. Сердце до сих пор колотится.

Я молчу. Смотрю в потолок.

— Приснилось, говорю же.

— И что приснилось?

Я поворачиваю голову, смотрю на нее. Красивая. Моя. Оля. Щеки круглые, глаза добрые, волосы растрепались со сна. Хочется сказать ей все. Про пустой город, про магазин, про этот дурацкий номер. Но язык не поворачивается.

— Забудь, — говорю. — Ерунда всякая. Пойду умоюсь.

Встаю, иду в ванную мимо нее. Чувствую спиной ее взгляд, но не оборачиваюсь.

Захожу в ванную. Сашка уже умылся, стоит, смотрит на себя в зеркало и корчит рожи. Увидел меня, засмутился и выскочил.

Я закрываю дверь. Смотрю на себя в то же зеркало. Такое же лицо, как в том сне. Только сейчас глаза не дикие, а просто уставшие. Мешки под глазами, щетина седая уже пробивается, хоть и не старый еще.

Включаю душ. Вода теплая, потом горячая, потом опять теплая. Стою, закрыв глаза, и думаю.

Что это вообще было? Сон? А если не сон? А если я сейчас стою в душе, а на самом деле я там, в пустом городе, и скоро исчезну? А эта Оля и этот Саша — просто сон? Или наоборот?

Голова раскалывается. Я тру лицо руками, подставляю голову под воду. Долго стою. Минут пять. Или десять. Время теряется, когда стоишь под душем и пытаешься не сойти с ума.

Выхожу, вытираюсь, одеваюсь. На кухне уже заварили кофе. Оля сидит с кружкой, смотрит в телефон. Сашка рядом бутерброд жует, в телефоне тоже — наверное, рутуб смотрит.

Я наливаю себе кофе, сажусь за стол. Включаю маленький телик на стене. Там новости. Как всегда, ничего интересного. Где-то стреляли, где-то горело, кто-то сказал, кто-то не согласился. Я пью кофе, смотрю в одну точку.

И вдруг диктор говорит:

— ...источники в Министерстве обороны сообщают о нарастании напряженности. Возможная угроза ядерного конфликта обсуждается на самом высоком уровне. Эксперты призывают сохранять спокойствие...

Я допиваю кофе. Ставлю кружку. Мысль где-то на периферии: ядерная война, серьезно? Но в новостях же всегда так — пугают, пугают, а потом ничего. Я выключаю телек.

— Ты на работу? — спрашивает Оля, не отрываясь от телефона.

— Ага.

— Заберешь Сашку? Я сегодня до трех.

— Заберу.

Обычный разговор. Сотый раз. Тысячный.

Я иду в прихожую, одеваюсь. Рабочая одежда — старая, потертая. Куртка, которая уже лет пять. Джинсы с пятнами, которые не отстирываются. Ботинки разношенные, но еще живые. Никаких тебе «Prada» и золотых часов.

Выхожу из квартиры, спускаюсь во двор. Сажусь в свою «семерку». Лада, девятого года, вся убитая, но ездит. Главное, чтоб ездила.

Завожу. Двигатель кашляет, но заводится. Прогреваю минуту и выезжаю со двора.

Работа моя в магазине «Ашан». Не в самом центре, но добираться тоже нормально. Я грузчик. Ношу коробки с товаром, выкладываю на полки, помогаю разгружать фуры. Работа не пыльная, но тяжелая. Спина вечно ноет, руки в синяках. Платят копейки, но на жизнь хватает. Если экономить.

Приезжаю, захожу в подсобку. Там уже пацаны — Колян, Леха, Вадик. Переодеваются, курят, травят байки.

— Здорово, Гриня, — кивает Колян. — Че такой кислый?

— Нормально, — говорю.

— А мне баба вчера такого скандала закатила, — вступает Леха. — Говорит, денег мало, внимания мало, я, говорит, как стенка, только еду приноси. А что я сделаю? Работаю же!

— Все они так, — вздыхает Вадик. — Лишь бы ныть.

Я молчу. Оля не ноет. Оля вообще молодец. А я все равно чувствую себя виноватым. Что денег мало, что времени мало, что жизнь — говно, а не жизнь. И так каждый день.

Начинается смена. Коробки, коробки, коробки. Тяжелые, легкие, опять тяжелые. Я таскаю их, ставлю на поддоны, обматываю пленкой. Потом иду в зал, выкладываю товар на полки. Крупы, консервы, макароны. Люди ходят мимо, берут, кладут в тележки. Смотрят сквозь меня. Я для них — часть интерьера.

Иду на разгрузку. Фура пришла, надо скидать ящики. Работаю, потею, отдыхаю пять минут, курю, снова работаю.

И вдруг, посреди всей этой суеты, меня прошибает мысль: а хорошо бы, чтобы никого не стало.

Нет, не так. Я останавливаюсь с ящиком в руках и думаю: а если бы я проснулся, а их правда нет? Всех. Ни Оли, ни Сашки, ни Коляна с Лехой, ни этих людей в магазине. Только я и город. И все, что хочу — мое.

Я даже представил на секунду. Тишина. Никто не орет, не просит денег, не смотрит сквозь тебя. Идешь в любой магазин — бери что хочешь. Сядишься в любую тачку — катайся. Живешь в любом доме.

Кайф.

Но тут же в голову лезет другое. А Оля? А Сашка? Как я без них? Кого будить по утрам? Кто скажет: «Гриш, вставай»? Кто будет спрашивать «пап, а что снилось»?

Я трясую головой, прогоняя эту дурь. Опускаю ящик на поддон.

— Гринь, ты че застыл? — кричит Колян. — Давай, шевели поршнями.

— Да иду я, иду.

Работаю дальше. Но мысль эта засела где-то под черепом. И всплывает снова и снова. А что, если?

К вечеру я вымотан так, что ноги гудят. Смена кончается в семь, но сегодня задержались — фура поздно пришла. Вышел я только в половине восьмого. Сажусь в свою «семерку», завожу. Ехать обратно в Домодедово — час, а если пробки — все два.

В машине тихо. Радио играет какую-то попу, я выключаю. Еду в тишине, смотрю на огни города. Люди спешат по делам, машины сигналият, где-то мигают проблесковые маячки. Жизнь кипит. И я в ней — маленький винтик, который таскает коробки.

Дома появляюсь в начале десятого. Оля уже уложила Сашку, сидит на кухне, смотрит сериал в телефоне.

— Есть будешь? — спрашивает, не отрываясь.

— Ага.

— Там котлеты в холодильнике, разогрей.

Я разогреваю, ем прямо стоя у плиты. Сажусь за стол, но Оля уже уходит в спальню.

— Я спать, — говорит. — Завтра рано вставать. Ты долго?

— Нет, сейчас тоже лягу.

Доедаю, мою тарелку, чищу зубы. Захожу в спальню, ложусь рядом с Олей. Она уже дышит ровно — спит. Я лежу на спине, смотрю в потолок.

Думаю, про тот сон. Про пустой город. Про голос из динамика. Про то, как я там исчез.

И думаю, про свое желание. Про то, как на секунду захотел, чтобы они все исчезли.

Стыдно. Перед собой стыдно. Перед Олей. Перед Сашкой, который космонавтом во сне летал.

Я закрываю глаза.

Завтра новый день. Коробки, фуры, полки. И так каждый день. Каждый день. Каждый день.

Я засыпаю.

А где-то там, в другом сне, может быть, пустой город ждет, когда я вернусь.

Глава 3

Я проснулся от того, что в комнату зашло солнце.

Оно пробилось сквозь щель между шторами — старыми, выцветшими, которые Оля еще у мамы своей взяла, когда мы только съехались. Тонкая полоса света прочертила всю спальню, перерезала кровать пополам и уперлась мне прямо в лицо. Я зажмурился, отвернулся, но поздно — сон уже убежал, рассыпался, как пепел от сигареты.

Я лежал и слушал тишину. Точнее, не тишину — утро. За окном уже щебетали птицы, где-то далеко лаяла собака, сосед сверху завел свою дрель. Опять, видно, решку решил долбить. У него там вечный ремонт, лет пять уже. Сначала одну стену, потом другую, потом опять первую. Я его никогда не видел, но звук его дрели знал лучше, чем голос собственной жены.

Рядом сопела Оля.

Я повернул голову и стал смотреть на нее. Она лежала на боку, подложив ладонь под щеку, и волосы у нее рассыпались по подушке темной волной. Красивая. Даже сейчас, без косметики, с припухшими со сна глазами, красивая. Я смотрел на нее и думал: вот ведь повезло мне с ней. Терпит меня, такого... работаю вечно уставшего, вечно злого, вечно без денег.

Я осторожно, чтобы не разбудить, приподнялся на локте и глянул на часы.

Твою мать.

Половина седьмого.

Я проспал. Проспал конкретно, жирно, безнадежно. Будильник я вчера, видно, не поставил. Или поставил, но отключил во сне. Такое со мной бывает — когда устаю как собака, могу и не услышать.

Я сел на кровати. Сердце уже колотилось где-то в горле.

— Оля, — шепнул я, трогая ее за плечо. — Оля, просыпайся. Я проспал.

Она что-то промычала во сне, дернула плечом, перевернулась на другой бок и затихла. Я потряс ее сильнее.

— Оля, вставай, говорю! Мне на работу надо, Сашку будить надо, я проспал!

— М-м-м... — сказала она. — Сама встаю... иди уже...

Я выскочил из кровати, нашарил ногами тапки. Старые, протертые до дыр, с погрызенным задником — это наш кот постарался, когда еще котенком был. Кота уже нет пять лет, а тапки все живут.

Выбежал в коридор. По дороге заглянул в детскую. Сашка спал, разметавшись звездочкой по всей кровати. Одеяло на полу, подушка съехала, нога свесилась. Я подошел, поправил одеяло, поднял подушку. Будить пока рано — пусть поспит еще.

Зашел на кухню. Включил чайник. Пока греется, схватил телефон.

А там — семь пропущенных. И все от Эрика.

Эрик — это мой сменщик. Вернее, напарник. Мы с ним в паре работаем на складе, коробки таскаем. Мужик нормальный, армян, лет сорока, с усами и золотым зубом. Но без понтов, свой в доску. Мы с ним иногда после смены пиво пьем, если деньги есть.

Я набрал его. Гудок, второй, третий. Потом трубку взяли, и я услышал такое, от чего у меня внутри все похолодело.

— Гриша, ты где?! — заорал Эрик так, что я отодвинул телефон от уха на полметра. — Ты че творишь, начальник тут уже полчаса бегают, зарплату принес, всем выдает лично, а тебя нет! Он орет, что уволит всех к чертовой матери! И меня из-за тебя уже послал!

— Эрик, я... — начал я.

— Ничего не хочу слышать! — перебил он. — Ты давай быстро, как можешь быстро! Если не приедешь — считай, что зарплату ты лишился, а я с тобой больше не здороваюсь!

— Еду, еду уже.

Я бросил трубку и заметался по кухне как угорелый. Чайник уже вскипел и свистел, я дернул его с плиты, обжег палец, выматерился сквозь зубы, залил кипятком кружку, где с вечера оставалась заварка. Заварка была старая, вчерашняя, но плевать. Схватил бутерброд с сыром, который Оля вчера сделала и в холодильник убрала. Жрал стоя, давясь, крошки летели на пол. Кофе пить было некогда, я просто хлебнул этой бурды из кружки, обжегся, выплюнул обратно.

— Твою мать! — заорал я на пустую кухню.

Надел ту же одежду, что вчера, — чистой все равно не было. Джинсы, футболка, сверху старая кофта с пятном на рукаве. Кроссовки натянул, даже не развязав толком, просто запихнул ногу и продавил пяткой. Шнурки болтались, но завязывать времени не было.

Вылетел из квартиры, хлопнул дверью так, что штукатурка, наверное, посыпалась. Соседская собака зашлась лаем. Я уже бежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, чуть не упал на последнем пролете, ухватился за перила.

Двор. Моя «семерка» стоит под деревом, вся в птичьем говне. Солнце уже вовсю светит, на лавочках бабки сидят, как грибы после дождя. Провожают меня взглядами. Я прыгаю в машину, ключ в замок зажигания — и тишина. Стартер даже не чихнул. Ни звука.

— Да бля-я-я! — я стукнул по рулю кулаком. Сразу больно стало, но я даже не почувствовал.

Выскочил, открыл капот. Стою, смотрю на этот двигатель. Я в машинах не шарю вообще. Ну, масло могу залить, и все. А тут — провода, железки, какие-то шланги. Я просто подергал что-то, постучал по аккумулятору, плюнул для верности и сел обратно. Попробовал еще раз.

Стартер заскрипел, завыл, как раненый зверь, и вдруг — завелась. Зачихала, закашляла, но завелась. Живучая, зараза.

Я вылетел со двора, даже не посмотрев, есть ли кто на дороге. В зеркало заднего вида увидел, как бабки замахали руками. Повезло — никого не сбил.

Всю дорогу я нервничал. Это был какой-то ад. Пробки, светофоры, дураки на дорогах, которые не умеют ездить. Я сигналил, матерился сквозь зубы, подрезал, обгонял по обочине, потом обратно втискивался. В голове крутилось одно: «Зарплата, зарплата, зарплата». Если я ее сегодня не получу — все. Кредит платить, коммуналка, Сашке на школу, продукты. Мы и так еле концы с концами сводим, а тут еще это.

Приехал я через сорок минут. Влетел на склад, как ураган. А там уже все стоят. Колян, Леха, Вадик, еще пара мужиков из соседней смены. Стоят, переминаются с ноги на ногу, руки по швам. А перед ними — наш начальник.

Борис Аркадьевич.

Мужик он лет пятидесяти, толстый, лысый, в очках с толстыми линзами. Одет всегда в одну и ту же рубашку, кажется, даже не стирает ее. И лицо у него такое... знаешь, как у хомяка, который нашел еду, но боится, что отнимут. Вечно недовольное, вечно кислое.

Увидел меня — и прямо засветился. Нехорошо так засветился.

— О, явился, — сказал он. Голос у него противный, скрипучий, как несмазанная телега. — Григорий, мать твою, ты вообще где шляешься?

— Проспал, Борис Аркадьевич, — выдохнул я, пытаюсь отдышаться после бега. — Машина не заводилась, пробки...

— Проспал он, — перебил начальник и оглянулся на остальных, ища поддержки. — Слышали? У нас тут, оказывается, спящая красавица работает. А ты, Григорий, головой подумай: у тебя будильник есть? Или ты думал, что я тебе зарплату домой привезу?

— Я не думал, — сказал я. — Я правда проспал, бывает.

— Бывает, — кивнул он. — У кого-то бывает, а у тебя — постоянно. Ты на той неделе три раза опоздал. На этой — уже два. И сегодня вон вообще мог не приехать, да?

Я молчал. Терпел. Потому что зарплата.

Он открыл свою папку — потрепанную, замусоленную по краям, — достал конверты. Начал раздавать.

— Колян... Леха... Вадик...

Каждый подходил, брал, отходил в сторону. Кто-то заглядывал в конверт и прятал во внутренний карман. Кто-то сразу пересчитывал, шевелил губами. Я стоял и ждал.

Наконец дошла очередь до меня.

Борис Аркадьевич полистал свои бумажки. Долго так, смакуя. Потом поднял на меня глаза поверх очков.

— Так, Григорий... — протянул он. — Давай посчитаем. Опоздания на прошлой неделе — три. На этой — два. Штраф за каждое опоздание — двести рублей. Итого с тебя тысяча.

— Чего? — вырвалось у меня.

— Не перебивай, — он поднял палец. — Дальше. Испорченный товар. Ты на той неделе коробку с маслом уронил. Масло — двадцать литров, по сто пятьдесят за литр. Итого три тысячи. Из них мы, как добрые люди, списываем только половину. Полторы тысячи с тебя.

— Это было не я, — сказал я. — Там скользко было, потому что крыша течет...

— Крыша течет, — опять передразнил он. — А ты должен смотреть под ноги. Дальше. Премия за этот месяц тебе не положена, потому что план не выполнил. У нас нормы, Григорий, нормы! Если ты не успеваешь — это твои проблемы.

Я сжимал кулаки. Ногти впивались в ладони.

— И еще, — он полистал бумажки. — Вычет за спецодежду. Ты порвал куртку в прошлом месяце, новую получил. Половину стоимости вычитаем.

— Да я порвал, потому что она гнилая была! — не выдержал я. — Она рассыпалась прямо на мне!

— Гнилая, новая... — начальник поморщился. — Не нравится — ходи голый. Короче, вот.

Он сунул мне конверт.

Я взял. Открыл. Заглянул.

Там было три с половиной тысячи.

Три с половиной тысячи рублей, мать его.

— Это че? — спросил я тихо. Очень тихо. Так тихо, что все вдруг замолчали и обернулись.

— А что? — начальник сложил руки на пузе. — Нормально. Отработал на столько — получил на столько.

— Борис Аркадьевич, — сказал я, и голос у меня дрожал. — Я тут горбачусь с утра до ночи. Коробки таскаю. Спину рву. Я за эту зарплату... за эти копейки... я же семью кормить должен!

— А это не мои проблемы, — отрезал он. — Это твои проблемы. Хочешь больше — работай лучше. Не опаздывай, не порть товар, выполняй план. А если не нравится — иди, ищи другое место. Таких, как ты, на бирже труда знаешь сколько?

У меня внутри все закипело.

Я подошел к нему ближе. Вплотную. Он был ниже меня, и я навис над ним, как скала.

— Ты че, Григорий? — он попятился. — Ты че, с ума сошел? Совсем? Успокойся!

— Я спокоен, — сказал я. — Я просто сейчас тебе объясню, Борис Аркадьевич. Объясню простыми словами, чтоб до твоего жирного мозга дошло. Я на этом складе полтора года. Полтора года, понял? Я ни разу не брал больничный, ни разу не просил отгул. Я выходил, когда другие болели. Я работал за двоих, когда не хватало людей. Я вкалывал как проклятый, чтоб ты премии получал за выполнение плана. А теперь ты мне говоришь про штрафы?

— Григорий, остынь, — он уже пятился к стене. — Мы потом поговорим, при свидетелях...

— Мы сейчас поговорим, — я ткнул пальцем ему в грудь. — Сейчас. Где мои деньги? Где мои кровные, которые я заработал? Ты мне три копейки суешь, а сам на новой машине едешь? Я твою «Тойоту» вчера видел, как ты с парковки выезжал. На наши спины катаешься, да?

— Да как ты смеешь! — взвизгнул он. — Ты... ты уволен! Все, слышишь? Уволен! Чтоб завтра трудовую забрал и духу твоего здесь не было!

— Сам уйду, — сказал я. — Но сначала ты меня услышишь, понял?

И тут я высказал все.

Все, что копилось годами. Как мы работаем за копейки, пока он в кабинете сидит и чай гоняет. Как у него нормативы, которые выполнить невозможно, потому что товара валят столько, что за день не разгрести. Как крыша течет, а он говорит «потом починим». Как зимой холодно, а он говорит «двигайтесь — согреетесь». Как он с нами разговаривает, как с быдлом, как с мусором, как с рабами.

Я матерился. Крыл его матом. Не стеснялся. В глаза ему говорил все, что думаю. Колян потом рассказывал, что у меня даже пена изо рта летела. Не помню. Помню только, что когда я закончил, он стоял белый как мел и трясся.

А я развернулся и пошел.

Не гордо так пошел, не красиво. Просто пошел. Вышел со склада, сел в машину. Посидел минуту, глядя в руль. Руки дрожали. Потом завел и поехал.

Домой.

По дороге ни о чем не думал. Просто ехал. Смотрел вперед. Светофоры, машины, люди. Все как всегда. Только я теперь безработный.

Домой приехал часа через два. Стоял во дворе, смотрел на свое окно. Не заходил. Курил одну за одной. Сигареты кончились — пошел в ларёк, купил еще. Бабки на лавочке косились, но молчали. Потом сел обратно в машину и еще посидел.

Зашел, когда уже стемнело.

В квартире пахло едой. Оля готовила. Сашка за столом уроки делал. Увидели меня, и я понял — по лицу видно.

— Что случилось? — спросила Оля. Спокойно так спросила, но я знал этот тон.

Я положил конверт на стол.

— Вот, — сказал я. — Получил.

Оля открыла, заглянула. Пересчитала. Пересчитала еще раз. Положила конверт.

— Гриша, — сказала она. — Это три с половиной тысячи.

— Я знаю.

— Ты работал месяц. Полмесяца. Две недели. За две недели? Нет, за месяц же... Гриша, это вообще что?

Я молчал.

Она смотрела на меня, и лицо у нее менялось. Сначала непонимание, потом тревога, потом что-то другое. Злое.

— Гриша, ты опоздал сегодня?

— Да.

— Сильно?

— На час.

— И поэтому?.. — она потрянула конвертом.

— Не только, — сказал я. — Штрафы там всякие... за масло... премии лишили...

— Гриша, — перебила Оля. Голос у нее стал высокий, звенящий. — Гриша, ты вообще соображаешь? У нас кредит! У нас коммуналка! Сашке на школу надо! Мы мясо не ели две недели, я гречку варила, чтоб хоть что-то было! А ты... ты приносишь три тысячи?

— Оля, я не специально...

— А что ты не специально?! — она вскочила. — Ты всегда не специально! Ты вечно просыпаешь, вечно опаздываешь, вечно у тебя проблемы! А я кручусь как белка в колесе, я и работаю, и дома убираю, и с Сашкой уроки делаю, и еще тебя успокаиваю! И за что?! За что мне это все?!

— Оль, прекрати...

— Не прекращай! — закричала она. — Ты думаешь, я не устала? Ты думаешь, мне не хочется жить нормально? Чтобы муж приходил с работы и приносил деньги, а не проблемы? Чтобы мы могли купить что-то, кроме гречки? Чтобы я не считала каждую копейку?

— Я стараюсь! — заорал я в ответ. — Я вкалываю как проклятый, я спину там рву, я таскаю эти коробки, пока вы тут... а ты мне...

— А я тебе что? — Оля встала напротив, руки в боки. Глаза злые, губы трясутся. — Я тебе что, Гриша? Я тебе жена или прислуга? Я тебе родила сына, я с тобой живу в этой дыре, я терплю твои вечные недовольства, твою усталость, твое вечное «завтра будет лучше». А завтра нет ничего! Ничего не лучше! Все то же самое, только еще хуже!

— Прекратите! — вдруг закричал Сашка.

Мы оба замерли.

Он стоял у стола, сжимая в руках ручку, и ревел. Прямо ревел в голос, по-детски, размазывая слезы по щекам.

— Прекратите ругаться! — кричал он. — Вы чего?! Вы чего, не любите друг друга?!

И тут меня прорвало.

Я подошел к нему, присел, обнял. Прижал к себе, гладил по голове, а у самого внутри все дрожало.

— Сынок, — сказал я. — Сынок, мы любим. Мы просто... мы устали. Мы не на тебя, мы просто...

Он уткнулся мне в плечо и трясся. Я чувствовал, как его слезы текут по моей шее.

Оля стояла и смотрела. Потом тоже подошла, обняла нас обоих. Мы стояли так втроем посреди кухни, и никто не говорил ни слова.

Потом Оля утерла слезы, взяла Сашку за руку.

— Иди умойся, — сказала тихо. — И спать ложись. Поздно уже.

Он ушел. А мы остались.

— Гриш, — сказала Оля уже спокойно, но холодно. — Ты понял, что нам теперь делать?

— Найду работу, — ответил я.

— Когда? Где? На что мы жить будем завтра?

— Не знаю, Оль. Но найду.

Она покачала головой, махнула рукой и ушла в спальню.

Я остался один.

Посмотрел на компьютер. Старый, тормозной, но работает. Сел, включил. Открыл сайты с вакансиями.

Грузчик.

Кладовщик.

Разнорабочий.

Грузчик.

Опять грузчик.

Еще грузчик.

Везде одно и то же. Зарплата серая. График плавающий. Требования — чтоб здоровый был и не пил. А у меня спина болит, и пью я иногда, когда совсем тошно.

Я листал, листал, листал. Час. Два. Три. Четыре.

Оля не выходила. Сашка уснул.

Я слышал, как часы тикают на стене. Тик-так. Тик-так. Время уходит, а я сижу и смотрю в монитор.

Ничего. Ни одной нормальной вакансии. Или далеко, или мало платят, или вообще «работа вахтой» — а я не могу уехать, у меня семья.

Под утро, когда за окном начало светать, я откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Голова гудела. Глаза жгло.

Ничего не нашел.

Я встал, выключил компьютер, доплелся до кровати. Оля лежала на своей половине, отвернувшись к стене. Я лег, смотрел в потолок.

За окном уже чирикали птицы. Новый день начинался. А у меня не было работы.

Я закрыл глаза и провалился в черноту.

Мне снилась темнота.

Абсолютная, беспросветная чернота. Ни звука, ни света, ни запаха. Я висел в ней, как муха в смоле, и не мог пошевелиться. Даже пальцем пошевелить не мог. Только чувствовал, что я есть. И все.

Потом появились двери.

Они возникли из ниоткуда — просто материализовались в пустоте. Сначала контуры, потом цвет, потом текстура. Обычные такие двери, деревянные, с ручками. Одна чуть светлее, другая чуть темнее.

На одной было написано: **«РЕАЛЬНОСТЬ»**.

На другой: **«ПУСТОТА»**.

Не «сон». Пустота. Мир без людей. Мир, где я один.

Я смотрел на них, и вдруг услышал голос. Он шел отовсюду и ниоткуда. Глубокий, спокойный, без эмоций — как тот, из громкоговорителя, только еще страшнее. Потому что в этом голосе не было ничего человеческого.

— Ты стоишь на пороге, Григорий, — сказал голос. — Две жизни. Две правды. Два будущего.

Я хотел спросить, что это значит, но язык не слушался. Вообще ничего не слушалось. Только глаза видели эти двери.

— Первая дверь, — продолжал голос. — Твой мир. Тот, в котором ты сейчас. Где ты никто. Где работа убивает, деньги тают, близкие устали тебя поддерживать. Где каждый день — борьба, а в конце — пустота. Где ты нужен, но несчастен. Где ты важен для двоих, но сам для себя — пустое место. Ты хочешь туда вернуться?

Голос замолчал. Тишина стала такой плотной, что, казалось, ее можно резать ножом.

— Вторая дверь, — снова зазвучало через минуту. — Пустота. Мир, в котором нет никого. Только ты. Ни жены, ни сына, ни начальников, ни долгов. Никто не требует денег. Никто не будит по утрам. Никто не смотрит с укором. Ты один. Полностью свободен. Весь мир — твой. Ты можешь взять все, что захочешь. Любую машину, любой дом, любую еду. Но ты — один. Абсолютно один. Навсегда.

Я смотрел на двери. Сердце колотилось где-то в горле. Я чувствовал, как пот выступает на лбу, хотя во сне не бывает пота.

— Выбирай, Григорий, — сказал голос. — Реальность, где ты нужен, но несчастен. Или пустота, где ты счастлив, но никому не нужен. Выбирай.

Тишина.

— Но помни, — голос стал тише, но от этого еще страшнее. — Тот, кто выбирает пустоту, однажды просыпается и понимает, что счастье без тех, кого любишь, — это не счастье. Это просто существование. А тот, кто выбирает реальность, каждый день умирает понемногу, но хотя бы знает, ради кого.

Я стоял перед дверями и не мог сделать шаг.

— Выбирай, Григорий, — повторил голос. — Выбирай.

Я поднял руку. Она дрожала. Потянулся к ручке.

К какой?

И в этот момент я проснулся.

Глава 4

Я открыл глаза.

Тишина.

Не обычная утренняя тишина, когда все еще спят, а где-то за стенкой уже возится сосед или за окном проезжает машина. Нет. Другая тишина. Абсолютная. Звенящая. Такая, что в ушах начинает гудеть от давления.

Я сел на кровати. Сердце колотилось где-то в горле. Оля... Оля должна быть рядом. Я повернул голову.

Пусто.

Ее половина кровати была аккуратно заправлена. Слишком аккуратно. Одеяло ровно, подушка взбита, простыня натянута без единой складочки. Так Оля никогда не заправляла. Она вообще не любила заправлять по утрам, говорила: «Вечером все равно ложиться, зачем эти танцы».

Я вскочил. Босиком пробежал по холодному полу в коридор.

— Оля!

Тишина.

— Саня!

Ни звука.

Я влетел в детскую. Пусто. Сашкина кровать заправлена так же аккуратно, как наша. Игрушки стоят ровными рядами на полках. Письменный стол пуст, только ручка лежит, которую он вчера сжимал, когда плакал.

Я вышел в коридор, открыл дверь в ванную. Пусто. Зеркало, полотенца, зубные щетки — две, Олина и Сашкина. Стоят в стаканчике, как всегда. Но щетки сухие. Утром ими никто не пользовался.

Я зашел на кухню. Там было пусто. Чайник холодный. На столе — вчерашняя кружка с недопитым чаем. На поверхности уже образовалась тонкая серая пленка.

Я подошел к окну, раздвинул шторы.

Двор был пуст.

Совсем пуст.

Машины стояли на парковке — вот «Логан» соседа, вот «Нива» деда Степаныча, вот чья-то «Киа». Но людей не было. Ни у подъездов, ни на лавочках, ни на детской площадке. Качели мерно раскачивались. Ветра не было.

Я открыл окно, высунулся. Воздух был холодный, осенний. Но в нем не пахло ни бензином, ни дымом, ни шашлыками. Ничем. Как будто мир выключили.

— Эй! — заорал я что есть силы. — Есть кто?!

Никто не ответил.

Я постоял минуту, вслушиваясь. Потом закрыл окно, натянул джинсы, майку, кроссовки. Вышел в подъезд.

Дверь соседей напротив была открыта. Я заглянул. Там тоже никого. На полу валялась одежда, на столе — тарелка с недоеденной яичницей. Вилка рядом. Как будто человек просто встал и исчез прямо во время еды.

Я спустился вниз. Вышел во двор.

Тишина давила на уши. Я слышал, как хрустит гравий под моими кроссовками. Как стучит мое сердце. Как где-то далеко скрипит несмазанная дверь.

Я дошел до остановки. Там стоял автобус с открытыми дверями. Внутри — пусто. На сиденьях сумки, пакеты, чей-то телефон валяется. Водительского кресла нет. Никого.

Я залез в автобус, сел на место водителя. Посмотрел на приборную панель. Ключи торчат. Завел бы, наверное, но я не умею водить автобус.

Вылез. Пошел дальше.

По дороге заглянул в «Пятерочку». Дверь открыта, свет горит, музыка играет тихонько. А кассы пустые. На ленте лежит чья-то корзина — хлеб, молоко, колбаса. Деньги рядом валяются. Никого.

Я взял молоко, открыл прямо в магазине, отпил. Холодное. Свежее. Настоящее.

И вдруг меня пронзило.

Я достал телефон. Руки дрожали. Нашел номер Эрика. Нажал вызов.

Гудок. Второй. Третий.

Отвечили.

— Ты же сам этого хотел, — сказал голос в трубке.

Голос был чужой. И не чужой. Как будто я сам себе ответил. Или кто-то, кто знает меня лучше, чем я сам.

— Что? — спросил я. — Что это значит? Где все? Эрик, это ты?

Тишина. Потом короткие гудки.

Я набрал снова. Абонент недоступен.

Набрал Олю. Абонент недоступен.

Набрал маму. Абонент недоступен.

Я сел прямо на асфальт посреди пустой улицы и уставился в одну точку.

«Ты же сам этого хотел».

Я вспомнил тот вечер. Ссору с Олей. Увольнение. Безысходность. И ту мысль, которая мелькнула тогда, на работе, когда я таскал коробки: «Хорошо бы, чтобы никого не стало».

Я тогда испугался этой мысли. Отогнал её.

А теперь...

— Да ну нахер, — сказал я вслух. — Это не я. Я не мог. Это просто совпадение.

Но голос внутри, тот самый, что ответил в телефоне, молчал. Но я знал, что он там. И он знал правду.

Я встал, отряхнул штаны. Пошел обратно во двор. Посмотрел на машины. У соседа из двадцать третьей квартиры была «Тойота Ленд Крузер». Настоящий джип, черный, здоровый, с кожаным салоном. Сосед этот вечно парковался так, что я еле выезжал. И смотрел на меня свысока, когда мы встречались в лифте.

Я подошел к джипу. Дернул ручку. Закрыто.

Нашел камень побольше, размахнулся и со всей дури ударил по стеклу. Брызги полетели во все стороны. Я залез внутрь, сел на водительское сиденье. Кожа пахла дорогое. Ключи, конечно, были в бардачке — где же им еще быть.

Я завел двигатель. Он заурчал, как сытый зверь. Мощно. Богато.

Я вырулил со двора. Нажал на газ. Джип рванул так, что вжало в кресло.

— Охренеть, — сказал я.

Поехал сначала медленно, привыкая. Потом быстрее. Потом понял, что на дорогах никого, и втопил педаль в пол.

Я летел по пустым улицам, как король. Светофоры работали, но кому они теперь нужны? Я проезжал на красный, на желтый, вообще не глядя. В зеркало заднего вида смотрел, как пустой город убегает назад.

Заехал на работу. На склад, где вчера меня унижали.

Вышел из джипа, открыл багажник. Нашел там лом. Хороший такой, тяжелый, железный.

Зашел в склад.

Там было пусто. Но вещи остались. Компьютеры, столы, стулья. Кабинет начальника — стеклянный, как аквариум, чтобы он мог следить за нами, рабами.

Я подошел к двери. Размахнулся ломом. И со всей дури врезал по стеклу. Оно разлетелось вдребезги. Я зашел внутрь.

Стол начальника. Его кожаное кресло. Его компьютер. Его папки с бумагами, где он записывал наши штрафы.

Я схватил стол и перевернул. Бумаги разлетелись по всему кабинету. Компьютер упал, экран треснул. Я поднял лом и опустил на монитор. Еще раз. Еще. Пока от него не остались одни осколки.

Потом прошелся по стульям. Каждому досталось. По шкафу с документами. По стенам. Я крушил все, что видел, и орал. Орал так, что сорвал голос.

— Это тебе за масло, мразь! Это за штрафы! Это за то, что ты смотрел на меня как на говно! Это за все!

Когда сил не осталось, я упал в кресло начальника, которое чудом уцелело. Отдышался. Посмотрел на разгром. Улыбнулся.

Хорошо пошло.

Встал, вышел, сел в джип. Поехал в центр.

Там, на Тверской, были дорогие бутики. Я зашел в первый попавшийся. Кажется, «Gucci» или что-то такое. Неважно.

Внутри — тишина. Свет горит. Вещи висят. На манекенах, на плечиках. Я прошелся, потрогал ткань. Мягкая. Дорогая.

Нашел кожаную куртку. Черную, с блестящей молнией. Надел. Села как влитая.

Нашел джинсы. Темно-синие, плотные, с биркой, на которой цифры такие, что я бы раньше неделю работал, чтоб такие купить. Надел.

Обувь. Я искал берцы. Знаешь, такие тяжелые, на толстой подошве, армейские. Не нашел. Взял просто ботинки кожаные, черные, грубые. Надел.

Цепь. Золотая, толстая, как якорная. На шею повесил.

Часы. Самые дорогие, какие нашел. Тяжелые, блестящие, с кучей циферблатов. Надел на руку.

Посмотрел в зеркало. Из зеркала на меня смотрел не Гриша-грузчик. Другой человек. Крутой. Богатый. Которому все по хую.

— Ну здарова, — сказал я своему отражению.

Вышел из магазина. Сел в джип. Поехал дальше.

Увидел салон с дорогими машинами. «Ламборджини», «Феррари», «Порше». Стеклопакеты открыты. Я зашел. Выбрал самую бешеную — оранжевую, низкую, как таракан на стероидах. «Ламборджини Урус», кажется. Или «Уракан»? Неважно.

Ключи нашел в бардачке. Завел. Двигатель взревел так, что стекла задрожали.

Я выехал на трассу.

И погнал.

Ветер свистел в ушах. Двигатель выл. Скорость за двести, за двести пятьдесят. Я летел по встречке, потому что плевать. Машин все равно нет. Город мелькал за окном, как в кино. Я смеялся. Орал песни. Жал на газ до упора.

Это была свобода.

Абсолютная. Бесконечная. Моя.

Я остановился только когда бензин кончился. Вышел, посмотрел на небо. Уже вечерело. Надо было есть.

Нашел самый дорогой ресторан в центре. «White Rabbit» или что-то такое. Зашел. Там пусто, но свет горит. На кухне — продукты. Я зашел на кухню, открыл холодильники. Там было все. Мясо, рыба, овощи, соусы, вино.

Я не умел готовить. Но нашел готовые блюда в вакуумных упаковках. Набрал целый поднос. Устрицы, креветки, стейк, какой-то салат с трюфелем, десерты.

Сел за стол в центре зала. Один. В пустом ресторане. При свечах — сам зажег, для атмосферы.

Жрал руками. Потому что вилки — это для людей, а я сейчас вообще зверь. Устрицы высасывал прямо из раковин. Креветки чистил зубами. Стейк рвал на куски.

Наелся до отвала. До боли в животе. До того состояния, когда дышать трудно.

Вышел на улицу. Посмотрел на небо. Звезды уже зажглись. Город горел огнями, но был мертв. И это было красиво.

Осталось найти место для ночлега.

Я выбрал самую высокую башню в Москва-Сити. Поднялся на последний этаж. Там был пентхаус — стеклянный, с видом на весь город. Дверь открыта, конечно. Кому теперь запирасть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.